

Ты замечал, что все люди просыпаются по-разному? Одни рывком, выныривая и колотя пятками пустоту, – они вдруг оказываются в собственной постели и ошалело дышат, как при кессонной болезни. Другие идут-идут, срывая и петуша пальцами пахучие летние травы, пока сон не поредеет, как лес, – и выходят в солнечное утро.

А есть пробуждения нежные. Сказочные. Как от поцелуя.

Только не сегодня. Я проснулась, физически ощущая твоё отсутствие рядом. Нет, то была не боль, а какое-то онемение. Будто вместе с тобой из меня исчезла я.

Ты будешь смеяться, но сначала я лежала с зажмуренными глазами, потому что боялась не увидеть, например, своих рук или живота. Моё тело без привычных ощущений тебя – дыхания, щекотки волос, нечаянного сонного касания – казалось пугающе маленьким.

Пуф! И его тоже не станет. Насовсем.

А помнишь? Я однажды заснула прямо на уроке. Сейчас и не вспомню – почему. В памяти только обидный глумящийся смех, который меня разбудил. Кошмар! Учитель химии – я ведь была его любимицей – укоризненно смотрит в мою сторону. А одноклассники веселятся как ненормальные.

С тех пор и до конца школы ты стал обстреливать мою парту солнечными зайчиками. Чтобы я не теряла бдительности.

Луч от зеркала, прикрытого твоей ладонью, нахально разгуливал по моим тетрадкам, книжкам, лицу. Задерживался на губах. Будто целовал.

Эти солнечные поцелуи могли расщекотать любой сон. Только мне было не до сна. Я влюбилась. В тебя.

А ты, подшучивая, называл меня Спящей красавицей. Небрежно подцеплял плечом лямки двух рюкзаков, и мы шли домой. Но не по прямой, где идти минут десять, а часовым замысловатым кругом, по дальним улицам.

Прощаясь, ты касался губами моей щеки, шеи, губ. Нежно – как солнечным зайчиком. И я снова не спала до утра.

Если вспомнить, сколько мы тогда не доспали! В школе. И потом. В наше «взрослое» семнадцатилетнее лето в Балаклаве, куда ты выпросил меня у папки, напирая на оздоравливающий эффект морского воздуха, насыщенного бромом, йодом, магнием и ещё десятком непроизносимозаменимых химических соединений. Надо же! Выучил...

Я росла болезненной девочкой – то отиты, то бронхиты. И папка скрепя сердце согласился на Балаклаву.

Она была звонкой, как солнечно-полосатый арбуз, полный сладкой мякоти июня и гладких от моря и беспричинного летнего счастья семечек-людей. Жёлто-зелёной на просвечивающем изломе волн. Обволакивающей душистым жаром.

Вдаль сонно взглядывались лежащие горы-лестригоны, обманчиво-уютно свернувшиеся под одеялом неба. И не поверишь, если не знаешь: сейчас заметят чужаков и встанут, разворачивая над бухтой великанские тела, так что между бугристыми жёлтыми коленками жалобно затрещат пойманные одиссеи-кораблики.

Но пока ничего не предвещало беды – сказочный Симболон Лимен, по-кошачьи вытянувшись, смотрел свои древние сны. На каменных спинах крепко спящих «людоедов» мягко зыбился ковыль, тянула высокие пушистые метёлки асфоделина, набухала яркими розовыми капельками железница. Сиреневый астрагал осторожно цеплялся за шаткие серые камешки. Перезревшие дикие розы топтали шмели.

Плавучий пирс ходил качелями под ногами. Внизу невесомо колыхались водоросли. Только что вытолкавшие лодку мальчишки перебирали сети, вытаскивали ещё живое, вырывающееся серебро. Взъерошенный местный кот внимательно сторожил ргутно расплескавшиеся пятна рыб: ставридку не больше ладони, луфарь с колючей спинкой и золотисто-прозрачными плавниками, усатую розовую султанку с жёлтыми и оранжевыми полосками.

Поднявшись с набережной, мы пошли к разрушенной крепости. Звенящий цимбалами ветер влюблённо повторял её имя: Чембало, Чембало... Раньше здесь стоял замок, смотрящий с обрыва. С высокими башнями и зубчатым парапетом. С оплетённым колючими кустами подножием.

Наверху я оказалась раньше тебя и нетерпеливо выглядывала из окна, заждавшись принца. Одной в башне было прохладно и грустно. А ты замечтался, глядя на запятнанные солнцем горы и виноградники.

На втором этаже, прикрытый пыльной деревянной крышкой, пугающе чернел полумесяц колодца. А на третьем – набитый камнями и мусором темнел заброшенный,

весь изрисованный камин. Но давным-давно, когда стены замка окружали непроглядно летящие облака и снег, он гудел уютным золотым жаром, и к нему тянулись руки какой-нибудь семнадцатилетней девчонки. Может, здешней принцессы – дочки генуэзского консула.

А сейчас везде ходили, гуляли, смеялись и разговаривали люди – десятки, сотни людей. Они были на набережной и среди шершавых донжонов старой крепости, сигналившей бархатными флажками шиповника, которые рвал звонкий ветер.

Только нас словно окружал золотисто-сказочный кокон, куда не проникали ни чужие взгляды, ни голоса. Внутрь доносился один нескончаемый баюкающе-арбузный гул. И где бы мы ни оказывались – мы оставались вдвоём.

Это были странные дни. Будто выпавшие из времени. Белые от зноя. Синие от моря. А после заката по земле растекалась бархатистая тёплая чернота. Ты чиркал зажигалкой. Но не помогало. Крохотный огонёк лишь выхватывал твои пальцы, подбородок, ворот футболки, а когда ты водил зажигалкой, – фрагмент травы, которую обесцветила ночь, или раскинувшееся обниматься дерево, или часть словно из ниоткуда возникшей стены.

Мир весело теснился вокруг. Его жар и прохлада, тьма и сияние, крик и шёпот, звенящая цикадная тишина окружали нас нерушимыми невидимыми стенами, защищали нашу любовь.

В Балаклаве я кормила чаек. Они хватали хлеб прямо из неба. А одна из птиц догоняла и долбила клювом остальных: это моё, не смей брать!

Так прошло лето – или сто лет. Не поймёшь. Беспечное, семнадцатилетнее, оно отплескало ненаглядными закатами. И только невидимки-цикады продолжали терпеливо звенеть во тьме удлинившихся ночей.

И вот мы на химфаке, куда ты – ненавидящий химию – послушно пошёл за мной. Хотя тебе прочили судьбу музыканта. И я писала контрольные и курсовые – за себя и за тебя. А когда ты стоял на сцене, доверчиво щурясь в кругу ослепительного света, я вздрагивала от неизменного ревнивого страха.

Твои крылатые пальцы обнимали мурлыкающий от привычной ласки саксофон. А тот болтал, влюблялся. Торопился перепуганным перестуком каблуков, бегущих от дождя. И заплаканное сияние улиц расплывалось в зеркалах тротуаров весёлым разноцветным одиночеством. Плоские колени крыш баюкали облака. И кто-то, заплетаясь, выходил из бара, говоря сам с собою.

А моя взъерошенная голубка-душа садилась тебе в ладонь.

Твоя музыка навевала какие-то простые, приятные вещи – город, вечер, смеющиеся влюблённые люди. Саксофон жаловался: «Да так! Всё дела...». Горячился. Тревожил. Шептал о важном, неспешном. О том, что всегда происходит, когда мы оказываемся в темноте за закрытыми глазами.

А это что такое до боли знакомое? Печаль и покой гаснущего дня. Первые звёзды. И ещё... Скользит-скользит! Последний, нежный... Луч солнца золотого! И тьмы пелена, и стена, вдруг выросшая между влюблёнными.

И пронзительная до мурашек нота в самом конце, которая всё длится и длится, растягивая на сто лет совершенное, единственное в мире мгновение... Солнце обязательно взойдёт! Если ты возьмёшь саксофон и заведёшь хрупкую пружинку, соединяющую небытие с бытием.

Однажды мой кошмарный сон сбылся – ты ушёл от химии и меня. В артисты. Нет, у нас по-прежнему всё было хорошо. Но я пропадала в лаборатории – сначала факультетской. А ты поехал на первые гастроли. И всё-таки мы

вырывали предательски выскальзывающее время: чтобы оставаться вдвоём.

В общем, и жили мы долго и счастливо. Даже свадьбу сыграли, пообещав навеки быть вместе. Было море роз, и папкины глаза подозрительно блестели.

Ты помнишь папку? Пока я в тебя не влюбилась, он был для меня всем. Одаривал свою принцессу сбывающимися чудесами. Защищал от злых фей и царяпин.

Однажды в пять лет рядом с нами остановился циркшапито. Призывно раскрашенный шатёр окружили наспех сколоченные загончики, где неторопливо обедали невиданные звери. Ослики с мягкими мордами. Лошади с печальными глазами. Даже верблюды!

Я гладила холки, трепала уши, заплетала хвосты, – и вдруг кто-то с силой потянул меня за волосы. Похоже, они пришлись верблюду по вкусу! Я перепугано заверещала, и появившийся откуда ни возьмись папка освободил свою золотоволосую принцессу из пасти прожорливого чудовища.

Тут же стояла волшебная лавка со сказочными сокровищами. Там папка купил мне распрекрасное красное одеяло из верблюжьей шерсти. Чтобы я никогда не плакала. И не мёрзла.

Проснувшись одна, я растерянно, обиженно оглядываюсь, не находя тебя. Куда ты ушёл? Почему не оставил сообщение? Твой телефон прильнул к моему – непривычно молчащему.

Ах, да! Мы же поменяли номера, чтобы спрятаться от репортёров. Перед моими глазами словно снова плывут заголовки о «спасительнице человечества». Она – это я! – «изобрела чудодейственное лекарство, чтобы вырвать любимого из лап смерти».

Но не успела спасти папку. И ещё половину населения земного шара.

Поэтому в Балаклаве такая нереальная тишина. Кажется, в бухте никого нет. Кроме тебя, меня и солнца. Наш дом обступают и оплетают бесчисленные розы – как сказочный замок Спящей красавицы. Розовые. Оранжевые. Бордовые. Белые и жёлтые. Распускающиеся и облетающие. Удушающие своим ароматом. Не дающие забыть.

Ты стал одним из первых заболевших. Привёз эту заразу из Африки или Китая, где был тогда на гастролях. И сначала никто не замечал симптомов. Ты чувствовал себя разбитым. Беспробудно спал, не высыпаясь. Жаловался на вату в голове. Но списывал всё на переутомление. Поехал отдохнуть в Балаклаву. Без меня. В это время я доводила до совершенства препарат, дарующий чудесный сон.

Если точно подобрать дозировку, то можно без вреда проспать хоть день, хоть сто лет. Сколько потребуется, чтобы дожидаться окончания космического перелёта или, например, найти лекарство от пока неизлечимой болезни.

Я и не догадывалась, что моим первым испытуемым станешь ты.

Когда ты вернулся, странной сонной болезнью заразились уже десятки людей. Потом сотни. Потом тысячи. А ты слабел на глазах. Не вставал с постели. Метался. Бредил.

Нет, я не сидела рядом, не подтыкала одеяло, не держала тебя за руку. Я пыталась получить лекарство от твоего недуга. Была на пороге открытия.

Но ты невероятно ослаб. Совсем не походил на себя. Словно просто мне приснился. Я боялась, что ты исчезнешь. Навсегда.

И я погрузила тебя в сказочный химический сон, чтобы твои силы восстановились, и мне хватило времени изобрести необходимое лекарство. А чтобы быть с тобой навеки в горе и в радости, как мы друг другу когда-то пообещали, – я тоже уснула.

Но сколько ни уговаривала, я не смогла убедить папку принять мой препарат. Он наотрез отказался засыпать.

Нет, у папки не было сонной болезни – по какой-то неведомой причине она поражала не всех. Его просто не стало. Ведь когда мы уснули, папка был уже немолод. И всё время скрывал своё больное сердце.

Папкина смерть обрушилась на меня оглушающим безвоздушьем вины. Будто, пока мы спали, испарился весь воздух с планеты Земля. Мои лёгкие словно набили стекловатой, которая скрипела и жгла. Ничего не хотелось.

Юркнуть бы с головой под спасительное одеяло и замереть! Чтобы было темно и тихо. И пахло щекочущей шерстяной пылью. И чтобы воздвигнутые красные стены защитили меня от боли и раскаяния.

Только даже этого я не могла себе позволить. Ты по-прежнему умирал от неизлечимого недуга и нуждался в лекарстве.

Из-за собственных переживаний я почти не замечала, что творится вокруг. За прошедшие годы многие люди умерли от сонной болезни. А оставшиеся в живых не выходили из домов, боясь заразиться.

Но в чём-то мир остался прежним. И когда мой препарат тебя излечил, на нас устроили охоту все репортёры Земли. Тогда-то и появились дурацкие заголовки про «спасительницу человечества» и «вырванного из лап смерти любимого».

Телефоны не умолкали. И мы, поменяв номера, сбежали в опустевшую, непривычно тихую Балаклаву.

Щурясь от солнца, я нахожу тебя – грустную фигурку, одиноко бредущую по берегу. Под оранжево-розовым небом рычит неприрученное жёлто-зелёное море. Ломается просвечивающими пенистыми волнами.

Словно почувствовав мой взгляд, ты оглядываешься и начинаешь подниматься к нашему дому, по пути срывая розы. И вдруг что-то попадает мне в глаза. Солнечный зайчик! Как в детстве. На уроке химии. Твоя ладонь снова прикрывает невидимое зеркальце.

Только зайчик превращается в льдинку. Она колет. Царапает. И я плачу, плачу... Не могу остановиться. Эта ненавистная льдинка совсем из другой сказки!

Всматриваясь в твоё лицо – полное жизни, хотя и мечтательно-печальное, я вспоминаю, как ты (будто и не ты!), метался в бреду, умирая от сонной болезни.

Тогда ты безостановочно шептал единственное имя... Не моё! Это было очень больно. Словно в сердце вонзалось визжащее железное веретено.

Такое случается сплошь и рядом. Мы жили долго и счастливо, а потом ты влюбился в другую. Семнадцатилетнюю девчонку со смешной чёлкой – я нашла её фотки в твоём аккаунте.

И я тебя усыпила – и уснула сама. Нет, я не была на пороге открытия – я точно знала, как получить лекарство. Просто не хотела, чтобы ты ушёл. Помнишь? Вместе. Всегда.

И ты остался со мной. Но мы не вдвоём. Я вижу – ты вспоминаешь её. А я никак не могу согреться. Даже в летней Балаклаве, прячась под верблюжьим одеялом.